

блажь». Если-бы Гр. Петровъ хоть сколько нибудь понималъ русскій народъ, онъ не сталъ-бы говорить и о правахъ народа, о требованіи будто-бы народомъ уваженія его правъ, такъ какъ народъ русскій, — по духу истинно христіанскій, каковы, впрочемъ, надо думать, и все народы въ ихъ низшихъ слояхъ, въ первобытномъ, въ дѣтскомъ, такъ сказать, ихъ состояніи, — никакихъ правъ за собою не признаетъ, воли своей не выражаетъ, напротивъ считаетъ себя виновнымъ въ томъ, что не исполняетъ воли Божіей, и сокрушаясь объ этомъ, сочтетъ преступнымъ всякое выступленіе съ требованіемъ какихъ-либо правъ, какъ считаетъ преступниками, разбойниками и Пугачева, и Стеньку Разина, котоорые, какъ и Гапонъ, какъ и Гр. Петровъ, такъ-же выставляли себя защитниками народа, его правъ. Народъ русскій, не признавая за собою какихъ-либо правъ, не считаетъ себя и источникомъ закона и власти, а лишь сокрушается, что является источникомъ преступленій, которыми обусловливается необходимость закона и власти; источникъ-же закона и власти народъ русскій видитъ въ Богѣ и исповѣдуетъ съ апостоломъ, что всякая власть отъ Бога. Что-же касается такъ называемыхъ представителей народа, то они не только не выражаютъ истиннаго голоса народа, а являются, какъ и бюрократія, средостѣніемъ между народомъ и руководителемъ народа въ дѣлѣ Божьемъ, т. е. Самодержцемъ, Царемъ. Эти мнимые представители народа, присвоивъ себѣ право рѣшать дѣла, о которыхъ они, не будучи специалистами, не имѣютъ надлежащаго понятія, невѣжеству даютъ власть надъ знаніемъ и умомъ.

Заявленіе Гр. Петрова, — на стр. 4—5 брошюры, — что „исторія знаетъ длинныя ряды темныхъ и кровавыхъ царствованій, но не было и нѣтъ еще царя, который-бы могъ сказать: «Въ моемъ царствѣ я строилъ царство Божіе. Мой тронъ былъ престоломъ правды Божіей», — свидѣтельствуетъ, что Гр. Петровъ совсѣмъ не знакомъ съ русской исторіей, не знаетъ ни Владиміра Святого, который не хотѣлъ казнить даже преступниковъ. — не знаетъ и Ярослава Мудраго, Владиміра Мономаха, Александра Невскаго, Михаила Тверскаго и другихъ князей и правителей нашихъ, изъ которыхъ многіе признаны святыми, которыхъ признавалъ святыми и Гр. Петровъ, будучи священникомъ, если только онъ не лицемѣрилъ. Никто, конечно, изъ святыхъ правителей нашихъ не сказалъ-бы о себѣ — „въ моемъ царствѣ я строилъ царство Божіе, мой тронъ былъ престоломъ правды Божіей“, — но о нихъ это было сказано причисленіемъ ихъ къ лику святыхъ, что гораздо важнѣе, чѣмъ собственное гордое самоопредѣленіе. Если-бы Гр. Петровъ зналъ русскую исторію, то и въ царствованіи Ивана Грознаго онъ увидалъ-бы не Малюгу лишь, который имѣлъ будто-бы «власть купаться въ крови невинныхъ жертвъ» (стр. 9-я), а что либо и другое. Да и точно-ли была невинною кровь, пролитая Иваномъ Грознымъ и его опричниками? Объ этомъ не мѣшало-бы справиться Гр. Петрову хотя-бы и у Валишевскаго, который, какъ полякъ, склоненъ видѣть во всемъ русскомъ, и особенно въ Иванѣ Грозномъ, скорѣе дурное, чѣмъ хорошее.

Далѣе, на стр. 5-й, Гр. Петровъ говоритъ: «Высшіе классы господствуютъ надъ низшими. Они маленькой кучкой держатъ въ кабалѣ все осталь-